

Интервью номера

«Если день пропал даром — это трагедия»



РОМАН ГОНЧАРОВ

«В нашей стране деловой подход у людей, ничего не создающих, вызывает зависть и сплетни...»

Сергей Васильев

30.04.04

Окончание.
Начало на стр. 1

— Первый серьезный успех к вам пришел вместе с победой на конкурсе Караяна в 24 года. Тогда вы могли себе представить, что на смену караяновской эпохе в музыке придет эпоха Гергиева?

— Нет, не мог. Да у меня и нет ощущения, что я живу в свою эпоху или что достиг того, чего добился великий дирижер XX столетия Герберт фон Караян. Да и нет у меня амбиций выстраивать такую же грандиозную музыкально-театральную империю, какую создал Караян, руководя не только Берлинским филармоническим оркестром, но и обоими зальцбургскими фестивалями — Пасхальным и Летним, а так же его полное доминирование на звукозаписывающем рынке. Сейчас меня больше беспокоит огромный разрыв, который существует между теми обстоятельствами и условиями, в которых творили такие музыканты, как Караян или, что нам гораздо ближе — Мравинский, и теми, в которых сегодня оказались мы. Вот приблизить эти два абсолютно разных мира — для меня задача огромной важности. Я стараюсь ее решать повседневно, но, к сожалению, не всегда успешно.

— Вам нравится идея слияния Министерства культуры с иными министерствами?

— Результат этого решения зависит от конкретных людей, которые будут заниматься реализацией данной идеи в масштабах России, а не только в пределах кабинета чиновника. То, что наше культурное пространство необходимо оздоровить и дать побольше чистого воздуха, — это безусловно. Сегодня дышать нелегко — «накурено» и «душно». Мне просто по рангу руководителя Мариинского театра положено работать с кем угодно. И с Соколовым, и с Надириным, и со Швыдким...

— С кем угодно?

— Нет, ни с кем угодно. А только с теми, кто готов к реальным делам и ответственности за них, а не просто желает урвать кусочек бюджета побольше. Я член Президентского совета и чувствую свою ответственность за то, как живут в стране другие оркестры и театры. Мне нужно бесконечно что-то серьезно анализировать, предлагать и осуществлять. Я люблю и умею общаться только с деловыми людьми. Я никогда не берусь за проекты, которые не могу осуществить. Я ужасно боюсь праздности. Для меня трагедия, если пропадает даром хоть один день.

— Какое впечатление на вас произвел новый министр г-н Соколов?

— Я еще не имел с ним обстоятельной встречи. Мы лишь пару раз коротко общались после концертов.

— Сегодня ваша роль в нашей культуре, быть может, равна роли Направника, которому в Мариинский театр композиторы — от Чайковского, Верди, Вагнера — до других, серьезных, но менее удачливых, пачками приносили свои сочинения. Почему же это не происходит сейчас?

— Важный и сложный вопрос. Я взял бы на себя непопулярную ответственность, сказав, что у нас сегодня нет чайковских и мусоргских, потому что я ведь просто могу их, к великому сожалению, и не знать. Может быть, они есть, но не видны еще в нашем безумном вихре, который мы сами здесь подняли: фестивали, турне, множество новых сложных постановок. Вполне возможно, в этих условиях мы не успеваем решить самую главную проблему: кто сегодня может способствовать прогрессу в российском оперно-балетном пространстве. А это должны быть один-два великих композитора, да еще какой-нибудь великий хореограф. Но где они? Таланты, гениальных

людей надо искать всем миром. Если бы я узнал об их появлении, то быстро-быстро постарался бы привлечь в свой театр. Я продолжаю надеяться на успех в этих поисках. Пускай мне не повезет с Мусоргским и Чайковским, но если мне посчастливится найти еще одного Прокофьева, то я буду считать, что моя жизнь была грандиозно важной для российской культуры.

— Когда Мариинский театр станет тем художественным идеалом, каким вы его себе представляете?

— Много лет назад молодой руководитель Мариинского театра Валерий Гергиев объявил, что мы будем ставить Мусоргского. Много Мусоргского. Кто-то посчитал это очень интересным, кто-то подумал, что я сошел с ума. Потом ни с того ни с сего мы стали работать над Берлиозом. Многие подумали, что теперь я совершенно точно сошел с ума. Но вдруг выяснилось, что мы очень удачно сделали и «Осуждение Фауста», и «Ромео и Юлию». Показали это во Франции, потом в Нью-Йорке. Люди перестали над нами снисходительно посмеиваться и начали серьезно воспринимать нашу работу. Мы вернули миру оперы Прокофьева. Мы недавно открывали сезон в Карнеги-холл. Лет десять назад об этом невозможно было подумать. С тех пор как этот зал 100 лет назад открыл Чайковский, для открытия сезонов здесь выбираются самые лучшие оркестры. Либо Венский, либо Берлинский, а теперь еще и Мариинский. И в этих словах нет никакой нескромности. Просто сегодня эти странички пишу я. Я спокойно воспринимаю эту связь времен.

Сегодня, потратив несколько лет жизни, мы сделали свое вагнеровское «Кольцо» не для того, чтобы подразнить Байрейт или Мюнхен, но мы показали всему миру, что играем с ними на одном поле. Мы одна лига и получили массу комп-

лиментов от самых ревностных ценителей Вагнера. Но сегодня я, как никто другой, критичен ко всему тому, что делает Мариинский театр. Потому что я прошел все мыслимые и немыслимые испытания. В 90-х годах театр работал в изнуряющем темпе, который был обусловлен труднейшими экономическими условиями в России, чтобы просто выжить. Сейчас я думаю, что на пути к идеалу мы уже перешли через экватор. И продолжаем работать не останавливаясь. Театр пережил страшный пожар — здание хранилища выгорело дотла, но мы не сорвали открытие нынешнего сезона. И около половины сгоревших декораций уже восстановлены. Я думаю, что через год все, что нужно было восстанавливать, мы восстановим или просто сделаем новые.

— Приобрела ли, наконец, реальные черты идея реконструкции Мариинского театра и строительства второго здания театра в «Новой Голландии»?

— Я очень хочу, чтобы в один вечер в Мариинский театр могли приходиться до пяти тысяч человек, которых будут способны принять наши два зала. Это гигантский шаг вперед для петербургской и российской культуры. Мы знаем, что именно Мариинский театр может дать городу и стране. Мы заслужили улучшение своих жилищных условий. Но пока реконструкция дальше разговоров не продвинулась. А прошел уже почти год, а бессчетное число раз прилетал в Москву всего на несколько часов ради переговоров. Но, оказывается, я здесь бессилён. Заказывает работу — государство, а не Валерий Гергиев. И сколько еще уйдет времени на всякого рода согласования, я не знаю. Я даже боюсь об этом думать. Но очень хочу, чтобы Мариинский стал мощным современным театром и Ольга Бородина не считала, что на сцене Metropolitan в Нью-Йорке ей необходимо выступить для карьеры, а в Мариинке она должна спеть, чтобы Гергиев не обижался. И чтобы мы спонтанно не меняли афишу на ближайший месяц из-за того, что Николай Пугачев подписал на это время контракт с другим театром.

— Вас не угнетают директорско-административные обязанности?

— Когда меня называют менеджерами, я не прихожу в ярость. Я решаю какие-то вопросы, потому что мне хочется, чтобы здесь была «Война и мир» Прокофьева в постановке Андрея Кончаловского или тетралогия Вагнера. Я хочу, чтобы Мариинский был сильным театром, и если для этого надо не только дирижировать, то так и поступаю. Вот и все. Только

идиот может учить в деятельности Мариинского театра запах бизнеса. Просто в нашей стране деловой подход у людей, ничего не создающих, очень часто вызывает зависть и сплетни. Но мы выступаем в России в десятки, в сотни раз больше, чем кто-либо, и выступаем зачастую бесплатно. Музыка — единственное, что пробуждает во мне самое низкое чувство — чувство рабства. Она — единственная дама, у ног которой я, наверное, буду оставаться до конца жизни. Может быть, я немножко резковато говорю, но мне очень нравится сама мысль, что я не стал человеком другой профессии.

— А что еще, кроме директорства, мешает вашей музыке?

— Нельзя слушать музыку, когда фотограф находится на одной сцене с оркестром и устраивает канонаду на пианиссимо. Когда публика постоянно откашливается, будто все ей это глубоко противно. А уж о бесконечных трелях мобильных и говорить нечего.

— Грядущая смена административной команды Московского Пасхального фестиваля повлечет за собой какие-то изменения в сути проекта?

— Пасхальный фестиваль появился не благодаря какому-либо административному руководству, а потому что у меня был короткий, эмоциональный и обоюдоудобный разговор с Юрием Лужковым. И вся мощная московская инфраструктура была заряжена на реализацию этой фестивальной идеи. А зарезервировать зал на определенную дату или встретить артиста в аэропорту — это не великий труд. Но когда в этом году мы подняли и федеральное правительство, и у нас появилась возможность отправлять фестиваль в путешествие по России, то мы столкнулись с гораздо более серьезными, неимоверными организационными проблемами. Ситуацию спасла только армия Мариинского театра, которая, как суворовская армия, привыкла побеждать в любых условиях и смогла это вынести. Не могу сказать, что это вызвало бурю восторга у артистов.

По сути, не было у Пасхального фестиваля административного руководства. Все принципиальные вопросы мы всегда решали вместе. У Эдуарда Боякова было больше времени заниматься первым фестивалем, меньше — вторым и почти не было времени заниматься нынешним, так как он совпал с юбилейным фестивалем «Золотая маска».

— С той самой «Золотой маской», которую в этом году Мариинский театр решил демонстративно проигнорировать...

— Не потому, что мы хотели кому-то навредить. Есть железный каркас наших конт-

рактных обязательств по всему миру, который держит эту мощную конструкцию под названием «Мариинский театр». Мы сегодня не вольны распоряжаться собой и не можем позволить себе, как десять или восемь лет тому назад, во имя высокой идеи — выступить в Москве, рунуть все свое расписание на сезон. К тому же еще одна «Золотая маска» или ее отсутствие никак не повлияет на мою судьбу и на международную репутацию Мариинского театра.

— Но «Золотая маска» при всей своей конкурсной сомнительности всегда казалась гарантией возможности ежегодно видеть марининские спектакли в Москве.

— К обмену спектаклями между Мариинкой и Большим «Золотая маска» никогда не имела никакого отношения.

— Вы считаете, Мариинка может появиться в Москве только на условиях обменных гастролей с Большим?

— Конечно, нет. И если пока в рамках Пасхального фестиваля Мариинский театр в Москве появляется лишь с концертами, то уже в этом году в Нижнем Новгороде мы показали спектакль — оперу Рихарда Штрауса «Ариадна на Наксосе». Это был очень любопытный эксперимент, имеющий шансы на развитие.

— Вам понравилась осваивать российскую провинцию?

— Трудно об этом говорить без эмоций. Да, дороги ужасны, будто за окном XVII век, — мы заблудились несколько раз, переезжая из города в город. И концертные залы не столь хороши, как в Петербурге или в Москве. Но, заглянув в не самые далекие от столиц российские города, начинаешь понимать, насколько там публика обделена. И думаю, даже уверен, следующей весной мы продолжим путешествие по России.

— Для вас принципиален тот факт, что Пасхальный фестиваль называется московским?

— Для меня главное, что он не зальцбургский, американский или финский. Я очень люблю Финляндию. Финские озера, чистый воздух, сауна, молчаливость людей и фестиваль в Миккели, который я создал, и у меня есть основания им гордиться. Но я чувствую себя совершенно по-иному в моей родной стране, в Москве — городе, где я родился. Я уже три года назад задумывался над тем, что Москве необходим подобный фестиваль. Вполне естественно, что мне больше хочется какую-то часть своей творческой энергии потратить на выступления в Москве, нежели слетать в очередной раз в любую другую страну мира...

Мария БАБАЛОВА